

1840 П. И. ЧАЙКОВСКИЙ 1965

П. И. Чайковский.

Имя Чайковского еще при жизни стало известно всему миру. Его лично знали и любили Брамс и Дворжак, Григ и Сен-Санс. Его первую симфонию изучал, будучи в России, молодой Дебюсси. Зарубежную премьеру «Пиковой дамы» бурно приветствовали пражане. Концертом из произведений Чайковского под управлением автора открылся в 1891 году знаменитый концертный Карнеги-холл в Нью-Йорке. Франция, Италия также не раз видели за пультом великого русского музыканта. Любопытно, что по стечению обстоятельств два едва ли не самых известных концертных произведения Чайковского — Первый фортепьянный и Скрипичный концерты — впервые прозвучали за рубежами родной земли: премьеры фортепьянного концерта состоялась в Бостоне, а скрипичного — в Вене.

В России и за ее рубежами никто еще из мастеров русской музыки прошлого века не был так известен, как Чайковский. Да еще при жизни! Мало кому выпадала такая счастливая доля. Для царской России это было довольно редким явлением. Кто знал, например, кроме сравнительно небольшой группы интеллигенции, гениального современника автора «Пиковой дамы» — Мусоргского? А мелодии «Евгения Онегина» еще до постановки оперы в театрах уже распевали во многих, в частности, студенческих кругах и Петербурга и Москвы: издатель П. Юргенсон охотно и быстро издавал каждое новое произведение Чайковского, ибо знал, что убытков не понесет...

СЛАВА И ГОРДОСТЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Борис ЯРУСТОВСКИЙ,
профессор, доктор искусствоведения

<>

В доме-музее Чайковского в подмосковном городке Клин есть комната, где собраны реликвии мировой славы великого композитора — здесь и мантия почетного доктора Кембриджского университета, и многочисленные дипломы Международных обществ, лавровые венки, альбомы, адреса.

Такая популярность музыки Чайковского вызвана прежде всего тем, что в ней отражены многие чувства и мысли самых широких слоев современников, подобно как это было в «Войне и мире» Толстого или «Бурлаках» Репина. Музыка входила в звуковой мир слушателей-современников своего рода «знакомым незнакомцем». Хотя жизненное содержание ее было новым и человеческие чувства и мысли воплощались в ней по-своему, по-новому, музыкальный язык был словно давно и хорошо знаком. Миллионам слушателей был близок сам принцип музыкального мышления Чайковского: стремление раскрыть, передать то или иное состояние человека прежде всего через выразительную мелодию. Будь это мотив оперной арии или одна из тем симфонии, мелодии Чайковского легко укладывались в память и уносились из театральных и концертных залов.

Родился Чайковский 7 мая 1840 года в небольшом городке Воткинске, где отец его был начальником казенного завода. Мальчик был на редкость впечатлителен. Еще в раннем детстве с ним бывали нервные припадки. Так случилось, например, при разлуке с матерью в Петербурге, куда привезли его для поступления в Училище Правоведения. Но юриста из него не получилось: победила музыка, которую любил с детства. В 1865 году Чайковский заканчивает Петербургскую консерваторию по классу Антона Рубинштейна и с 1866 года в течение одиннадцати лет преподавал в Московской консерватории. Много лет, особенно в первой половине своей жизни, он нуждался. Немалую роль сыграла в его судьбе меценатка Надежда Филаретовна фон-Мекк, выделявшая ему небольшую субсидию...

В 80-е годы приходят признание и слава. Чайковский много ездит по России и за рубежом, дирижируя своими произведениями. В 1885 году его избирают одним из директоров Русского Музыкального общества.

Последние годы Чайковский живет неподалеку от Москвы, в небольшом городке Клин. И до сих пор в его спальне, напротив окна стоит небольшой деревянный белый столик. В ок-

на заглядывают разлапистые ветви большого клена. Как и тогда, около семидесяти лет назад, на столике лежит рукопись — партитура последнего сочинения — шестой симфонии. 7 октября Чайковский покинул Клин и 16 октября в Петербурге дирижировал своей «лебединой песней». 20 октября композитор был еще на спектакле Александринского театра, через четыре дня злой случай — неосторожно выпитый стакан воды, в которой оказались бациллы холеры, навеки оборвал его жизнь.

Чайковский оставил нам богатое наследство. За 28 лет своей творческой жизни он написал десять опер, семь симфоний и программную симфонию на сюжет «Манфреда» Байрона, несколько симфонических поэм, три балета, три струнных квартета, около ста романсов, три фортепьянных концерта, скрипичный концерт и много других произведений.

Такое творческое обилие объяснялось не только гениальной одаренностью, но и удивительной дисциплиной творческого труда. Где бы он ни жил — работал каждый день и всегда определенное число часов. Характерны в этом отношении записи в дневнике его слуги — Назара Литрова в период создания оперы «Пиковая дама». Режим был твердым: утренний завтрак, работа, обед, небольшая прогулка, снова работа, ужин и сон.

Эти беглые бытовые штрихи рисуют нам замечательный образ мастера, умевшего высоко ценить время, обладавшего огромной культурой и дисциплиной труда. «Труд — ни с чем не сравнимое для меня благо», — признавался великий автор «Пиковой дамы».

Чайковский был передовым человеком своего времени, эрудиция его удивительна. В один из дней 1867 года молодой профессор Московской консерватории, например, записал в своем дневнике: «Читал новый роман «Дым» Тургенева (только что опубликованный в то время в журнале «Русский вестник» — Б. Я.), был на премьере «Тартюфа» в Малом театре, слушал лекцию профессора Бугаева о последних достижениях в астрономии». В этих записях — облик человека, проявляющего редкостный интерес ко всем областям культуры, к науке.

Музыка Чайковского звучит теперь на его родине ежедневно с сотен сцен и концертных эстрад, в театральных залах. С ней знакомятся в кинотеатрах, у экранов телевизоров. С 1958 года проводится Международный конкурс музыкантов-исполнителей имени Чайковского. Вскоре заканчивается издание полного, небывалого по объему, собрания его сочинений. Музыка великого сына русского народа поистине стала нашей славой, силой и гордостью!

(АПН).

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО

НА ДНЯХ в отдел культуры «Рабочего пути» зашел наш старый знакомый, смоленский краевед, собиратель коллекции автографов русских писателей, художников и музыкантов Василий Константинович Ефременков. Он принес бережно завернутую в газету тоненькую папку и, таинственно улыбаясь, стал разворачивать ее.

На одной из корочек под прозрачной папиросной бумагой аккуратно наклеены два небольших поблейших листочка. Как видно, они были вырваны из дорожной записной книжки. А затем, когда на них был написан текст, кто-то сложил их вчетверо, отчего остались небольшие трещинки. Присматриваемся. Не очень разборчивый размашистый почерк. В верхнем правом углу читаем: «Каменка 29 июля». А ниже: «Милая Анна Яковлевна!». Пытаемся разобраться в почерке — не сразу поймем. Перелистываем страницы, смотрим на подпись — знакомая: П. Чайковский!

Куда адресовано письмо? Кому? Неизвестно. К краеведу В. К. Ефременкову оно попало без конверта. Он предполагает, что конверт затерялся в то время, когда оно находилось у одной из обладательниц нескольких писем Чайковского Ольги Виноградовой, москвички, в прошлом ученицы художника Касаткина.

Мы прочитали это письмо. Вот оно.

Каменка 29 июля

МИЛАЯ АННА ЯКОВЛЕВНА!

Я только третьего дня вернулся в Каменку после 2-недельного пребывания в деревне у брата Модеста.

Милая Анна Яковлевна!
Я только третьего дня вернулся в Каменку после 2-недельного пребывания в деревне у брата Модеста.

Так как я слишком долго там застрял, а между тем почти ежедневно собирался выехать и не делал распоряжений о присылке мне писем, то оба Ваши письма кажутся довольно долго меня ожидали здесь в Каменке.

Относительно поездки в Екатеринбург, — не знаю что Вам посоветовать. Кажется я готов скорее поговорить с Вами отклонить предложение. Гилев очень верный и хороший человек, — но думаю, что Вы соскучитесь там в чуждой среде и в городе, где должно быть очень мало пищи для музыканта, алчущего музыкальных впечатлений. С другой стороны Екатеринбург, который мне с детства очень мил и дорог по воспоминаниям, — весьма симпатичное местечко. Одним словом это Вы должны сами решить хорошенько, и себя спросивши можете ли Вы, имеете ли Вы достаточно гражданского чувства, чтобы пожертвовать всеми столичными преимуществами ради благой цели музыкального просвещения Екатеринбург.

Относительно моего приезда в Москву ничего точно Вам сказать не

могу: может быть буду там в августе, а может быть и позднее, но во всяком случае буду. Кондратьевы теперь на пути между Кассингеном и Кременчугом. Они будут жить несколько времени у м-м Порен, а как туда адресовать письма — не знаю. Вероятно Эмма будет мне писать и тогда я поспешу Вам сообщить их адрес.

До свидания, Анна Яковлевна, будьте здоровы.
Ваш П. Чайковский.

Досвидания, Анна Яковлевна!
Ваш П. Чайковский.

КАК известно, у Петра Ильича было много корреспондентов. Но, к сожалению, среди них имени Анны Яковлевны мы не нашли. Видимо, потому, что уж слишком невелики возможности наших областных библиотек. Однако Анна Яковлевна, судя по письму, прекрасный музыкант. Иначе Петр Ильич не советовал бы ей хорошенько поразмыслить над полученным предложением, спросить у самой себя, «можете ли Вы, имеете ли Вы достаточно гражданского чувства, чтобы пожертвовать всеми столичными преимуществами ради благой цели музыкального просвещения Екатеринбурга».

Кто же такая Анна Яковлевна? На этот счет позволим себе высказать только некоторые предположения.

В 1876 году на сцене Мариинского театра в Петербурге была поставлена опера П. И. Чайковского «Кузнец Вакула». Основные роли исполняли известные певцы. Даже небольшую партию Головы исполнял знаменитый ветеран сцены, создатель русской вокальной школы Осип Афанасьевич Петров. Он был женат на выдающейся певице, для которой еще М. И. Глинка написал партию Вани в опере «Иван Сусанин», — Анне Яковлевне Петровой-Воробьевой. Кстати, по словам В. В. Стасова, в лице Петрова и его жены Глинка нашел «высших из всех художников, появившихся на русской оперной сцене».

Конечно, Петр Ильич был хорошо знаком не только с Осипом Афанасьевичем, но и с его женой Анной Яковлевной. И вполне возможно, что она обращалась за советом к нему. Ведь по тем временам покинуть столицу «ради благой цели музыкального просвещения» симпатичного местечка, как писал Чайковский, было поистине подвигом. И мы, чуть ли не через столетие читая, казалась бы, сугубо личное письмо композитора, не можем не почувствовать, насколько он был гуманным и велик в своем понимании необходимости музыкального просвещения жителей всех русских городов. И за все это — за целый мир удивительных произведений, за то, что он был просто большим, чутким и нежным человеком, мы, благодарные потомки, от всей души говорим ему сегодня спасибо.

Л. КОЗЫРЬ.